Шикамару с удивлением посмотрел на Учиху, который горячо обсуждал приправы с Чоуджи рядом с костром, на котором готовилось аппетитное блюдо. Это просто... не имело смысла.

Деревянный стук одной из фигур, поставленной на доску для сёги, заставил его вернуть внимание к игре, а его глаза ненадолго задержались на ловушке, которую готовил Кабуто, прежде чем сфокусироваться на ране, открыто видневшейся на руке ниндзя. —

— Ты отвлекся, — произнес Кабуто с легким весельем в голосе: — Разве тебя не учили, что не концентрироваться на игре - неуважительно?

Шикамару даже не моргнув глазом, перевел взгляд на несколько неизвестных, окружавших его.

Он посмотрел на Хьюгу, на гениального Учиху, на третьего члена команды генинов, на спящего Кибу, прислонившегося к дереву, и снова на двух студентов Академии, о которых он слышал столько разговоров.

Как Шикамару и делал до этого момента, когда его быстро представили остальным присутствующим, он проигнорировал насмешку шпиона, просто собрав все свои мысли, чтобы понять, что же такого важного может быть в Учихе, чтобы заставить Шукаку Нара, джонина-командующего Конохагакуре но Сато, попросить его сына разузнать о нём информацию.

— Как... — пробурчал Нара, схватил свою храбрость обеими руками и спросил: — Как это случилось?

Выражение лица генина немного опечалилось, когда он поднял искалеченную руку: из-за шрамов на отсутствующих пальцах она была похожа на сильно порезанную кожу: — Еще менее вежливо спрашивать о ранах шиноби. Это навевает плохие воспоминания... — ответил Кабуто. Он передвинул ладью, готовя защиту, которую будет кошмарно разрушить.

Шикамару поморщился, увидев, как нахмурилось лицо его противника, но он не отвел взгляда, даже если нервно сглотнул, передвигая свою фигуру по доске, и деревянный стук громко отдавался в его ушах.

— Моя первая команда встретила противника, который... — Кабуто взглянул на доску из под своей покрытой шрамами руки, обдумывая свой ответ на ход Шикамару: — Уже тогда я стремился стать мед-нином.

Тон генина стал невероятно ровным, из его слов нельзя было уловить ни намека на его мысли по этому поводу: — Это означало, что пока моя команда выигрывает бой, я могу их латать, но я был.... — сдержанность выстраивалась как каменная стена с каждым словом, которое он произносил: — Я был слаб, потому что не выкладывался полностью, я был бесполезен, потому что не...

Генин сделал глубокий тяжелый вдох после своего обрывистого ответа, очевидно, сосредоточив все свое внимание на том, чтобы отогнать эти воспоминания, затем его глаза нашли глаза Шикамару, и у студента академии перехватило дыхание от того, насколько они

были пустыми: — Я знаю, о чем ты спрашиваешь, и почему ты это спрашиваешь... Единственное, что я могу тебе посоветовать, это поднажать на себя. До предела и за его пределы, — сказал седовласый ниндзя, взглянув на своих товарищей по команде: — Учись на моём примере, подталкивайте себя. Они усвоили этот урок гораздо раньше меня, но я не могу сказать, что травма была иной...

После этого ни один из двух игроков не произнес больше ни слова, посвятив себя игре.

И, наконец, после очередного шквала ходов, на которых студент академии не слишком сосредоточился, Шикамару нашел выход из ситуации, и с коротким, внутренним шепотом восторга, он поймал его.

— Что ж, это было приятно, — сказал Шикамару, ставя мат своему противнику, — Но нам лучше идти, пока мы не опоздали на ужин к себе домой...

— О, я поручил АНБУ, наблюдающему за резиденцией, передать сообщение вашим семьям, за моим домом по ночам всегда присматривают несколько человек, — прервал Учиха, — Если только ваши родители не прибудут сюда лично, или АНБУ не передаст сообщение от них, вы можете остаться на весь ужин. Кроме того, я бы и сам хотел сыграть партию в сёги против печально известного Нара.

Улыбка красноглазого дьявола совсем не обнадеживала, хотя по изогнутым бровям Неджи Шикамару мог сказать, что это было неожиданное развитие событий.

Вскоре Чоуджи проинструктировали, как ухаживать за готовящимся блюдом, и предостерег от кражи кусков, прежде чем все были готовы приступить к ужину.

Шикамару бросил короткий взгляд на остальных присутствующих: белокурый генин помогал любителю боевых искусств исцеляющей ладонью, видимо, студент академии слишком сильно напряг связки левой ноги, а Хьюга издевательски заставлял Тентен выполнять все более качественные атаки, выбивая её из позиции.

Тычок здесь, толчок там, Неджи двигался медленнее ученицы Академии, безжалостно используя все дыры в её защите.

Затем Учиха сел по другую сторону доски, его кроваво-красные глаза изучали Нара, словно тот был интересным куском мяса, который он не знал, как приготовить.

— Почему ты не разбудил Кибу? — спросил Шикамару, передвигая первую фигуру на доске, в этот момент почти открыто выпытывая информацию.

— Он мне не нравится, — сказал я.

Ответ был таким простым, таким быстрым, что Шикамару чуть не сбился с ритма: — Почему?

Фигуры передвигались по доске так быстро, как только могли двигаться эти двое, не используя чакру для усиления своих движений, и в какой-то момент Нара понял, что Учиха не проигрывает. Что?

— Ты хорош в сеги, — насмешливо признался Саске: — Жаль, что ты выбрал карьеру шиноби...

— Что? — громко спросил Шикамару, снова останавливая взгляд на черноволосом дьяволе, который улыбнулся.

— Я ничего не имею против Инузуки, — равнодушно сказал я.

Я улыбнулся, глядя на то, как Тентен решила обнять нетерпеливого Акамару, — Они достаточно дружелюбны, я полагаю, но Киба чертовски раздражает, и я готов поспорить, что это он предложил прийти сюда.

Шикамару удивленно моргнул, услышав необоснованное обвинение Учихи: — Я спрашивал Кабуто-сана о...

— Я слышал, — Саске кивнул, даже когда насмешливая улыбка расцвела на его лице.

— И ты согласен? — удивленно сказал Шикамару.

— С его предложением? — Учиха с любопытством наклонил голову, положив подбородок на сомкнутый кулак, что придавало ему вид глубокого мыслителя, который несколько портила его нервирующая улыбка: — Я не думаю, что он достаточно понимает меня или Неджи, чтобы произнести эти слова...

Шикамару кивнул, его внимание вернулось к доске только для того, чтобы снова взглянуть на своего противника: — Но… - продолжил я: — если я не сделаю все, что в моих силах, что произойдет при следующей трагедии?

— Ты...! — Шикамару заколебался: — Ты... ты ожидаешь, что что-то подобное случится снова?

— Чем занимаются шиноби, если не пропагандой насилия? — спросил я.

— И твое решение - это... — Шикамару так и не успел закончить свой вопрос, так как Учиха начал смеяться.

— Решение? — и снова улыбка Учихи превратилась во что-то глубоко тревожащее: — Кто сказал, что я решу эту проблему? Я лишь оседлал гребень волны, но, наверное… какой смысл жить, если не участвовать в событиях?

Молодой Нара нахмурился в ответ, его руки собрались вместе, кончик каждого пальца прижался к противоположному, а глаза обратились к доске, как будто он хотел потерять себя между фигурами, ища смысл в ответах, которых не было.

Мозг Шикамару бежал вперед, оставляя логику и осознанное, сознательное мышление далеко позади, поскольку он производил скачки в интуиции и дедукции, которые вместе взятые были подобны сравнению горы с муравейником:

— Тебе просто... наплевать на..? — Нара понял, о чем говорил Учиха, и даже уловил намек на то, что Саске не нравится кажущаяся бессмысленность всего этого дела: — Нет... — проговорил студент академии, анализируя и перебирая в памяти свой обмен мнениями с Саске: — ...ты думаешь, что нет смысла пытаться решить это?

— Я уже говорил тебе, — насмешливый тон Учихи заставил Шикамару поднять голову от доски, встретив пару лениво горящих Шаринганов поверх широкой улыбки, — Ты хорош в сеги. Жаль, что ты решил поиграть в шиноби.

Со звуком треснувшего стекла зрение Шикамару словно разлетелось на осколки, быстро показав, что Учиха сидит за столом и с удовольствием ест вместе с другими присутствующими на барбекю.

И Шикамару почти дрожал от понимания того, что он был абсолютно беспомощен с того момента, как Саске положил на него глаз, когда вошел в резиденцию.

«Я был слаб, потому что не отдал всего себя, я был бесполезен...» — слова Кабуто звучали в голове Нара, и ученик академии сжал руки в беспомощные кулаки, даже когда поднялся, любая мысль о еде исчезла из его головы, когда он, пошатываясь, направился к столу, его разум онемел от понимания того, что любое слово, сказанное Саске, могло быть простой насмешкой, потому что Учиха, очевидно, наслаждался "игрой в ниндзя".

http://tl.rulate.ru/book/91989/3061458